

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ КРѢПОСТНОГО ПРАВА.

Записки Январія Михайловича Нев'єрова.

1810—1826 гг.

Я. М. Нев'єровъ въ теченіе послѣдняго времени (1877—1883 гг.) составилъ обширныя и интересныя Записки о своей жизни и своей общественной дѣятельности. Почтенный авторъ не предназначалъ и не предназначаетъ ихъ къ печати. Онъ полагаетъ, между прочимъ, что его „скромная литературная и общественная дѣятельность не имѣть общаго интереса“¹). Но многое, однако, и въ особенности въ описаніи имъ его дѣтства и отрочества, вмѣстѣ съ нравственно-педагогическимъ интересомъ, дѣйствительно представляетъ яркую картину крѣпостного права,—картину, которая, какъ предполагаетъ Я. М. Нев'єровъ, „конечно, вызоветъ не одинъ порывъ благодарности къ Монарху, избавившему Россію отъ этого страш-

¹) Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Я. М. Нев'єровъ, бывшій пятнадцать лѣтъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, началъ службу, по окончаніи курса въ Арзамасскомъ уѣздномъ училищѣ, въ мѣстномъ уѣздномъ судѣ канцеляристомъ; по смерти отца, заботами матери и благодаря собственной энергіи приготовился, минуя гимназію, къ поступлению въ Московскій университетъ, куда и поступилъ въ 1828 году. Въ 1832 г. Нев'єровъ кончилъ курсъ кандидатомъ; въ 1833 г. началъ службу въ редакціи Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія; въ 1836 г. оставилъ службу и поступилъ въ Берлинскій университетъ. По возвращеніи изъ-за границы, въ 1839 г., назначенъ инспекторомъ Рижской гимназіи, въ 1844 г.—директоромъ Черниговской, въ 1860 г.—Ставропольской, въ 1861 г.—директоромъ Лазаревскаго института и съ 1864 по 1879 г. занималъ постъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа („Сборникъ автографовъ“ въ ред. „Русской Старины“, томъ II, стр. 65).
Ред.

наго бича". Зная, какъ часто и много рассказывалъ именно изъ этого периода своей жизни Я. М. Невѣровъ въ 1838—1839-хъ годахъ своимъ друзьямъ Грановскому, Станкевичу и молодому приятелю и сожителю въ Берлинѣ И. С. Тургеневу, что именно не могло не вліять на нашего романиста, мы испросили дозволеніе у Я. М. Невѣрова привести нѣсколько страницъ изъ его Записокъ.

Ред.

I.

... „Я родился 18 августа 1810 года. Родина моя — городъ Ардатовъ, Нижегородской губерніи. Отецъ мой, губернскій секретарь Михаилъ Гавриловичъ Невѣровъ, былъ сынъ мѣстного протоіерея и изъ семинаріи ¹⁾ поступилъ въ гражданскую службу и былъ секретаремъ Ардатовскаго земскаго суда, но вслѣдствіе какой-то исторіи былъ удаленъ отъ должности, сталъ заниматься хожденіемъ по частнымъ дѣламъ (адвокатурою) и составилъ себѣ репутацію отличного дѣльца. Онъ завѣдывалъ дѣлами богатаго помѣщика Кошкарова, часто бывалъ въ имѣніи его, въ селѣ Верякушахъ, бралъ меня туда съ собою, а моя мать даже жила тамъ долгое время со мною, что и дало мнѣ возможность близко приглядѣться къ быту этого своеобычнаго, даже для своего суроваго времени, 1820-хъ гг., душевладѣльца.

Петръ Алексѣевичъ Кошкаровъ — бодрый старикъ, которому въ эпоху гощенія моего въ с. Верякуши было лѣтъ подъ семьдесятъ. Онъ никогда не былъ женатъ; одна изъ его побочныхъ дочерей и ея семь братьевъ прижиты имъ были съ солдаткою Наталиею Ивановной, которая хотя жила въ одномъ съ нимъ домѣ и была окружена нѣкоторымъ почетомъ какъ со стороны домочадцевъ, такъ и сосѣднихъ помѣщиковъ, посѣщавшихъ весьма часто Верякуши, но не только не имѣла никакого вліянія на Кошкарова и вообще на дѣла его, но даже и на дѣтей сволхъ. У ней была особая комната, особая женская прислуга, и она являлась въ приемные комнаты какъ почетное лицо, впрочемъ — совершенно чуждое всему, что вокругъ нея происходило. Дѣти

¹⁾ Впрочемъ, не знаю, гдѣ онъ учился: всѣ его братья, а мои дяди ихъ было двое — были также чиновниками, такъ что изъ всѣхъ дѣтей протоіерея Невѣрова ни одинъ не поступилъ въ духовную службу. Я. Н.

ея носили фамилию Щ—хъ и, получивъ домашнее образованіе, поступили въ военную службу, за исключеніемъ старшаго сына Всеволода, который служилъ въ статской и былъ въ Рыбинскѣ виннымъ приставомъ. Они часто прѣѣзжали въ отпускъ и гостили по-долгу въ Верякушахъ. Кромеъ этихъ семи лицъ, къ составу семьи принадлежалъ еще отчасти полковникъ Корсаковъ, сынъ бѣдной дворянки изъ сосѣдней деревни, который въ дѣтствѣ взятъ былъ Кошкаровымъ на воспитаніе, опредѣленъ имъ вмѣстѣ съ своими сыновьями въ военную службу, а потому былъ какъ бы членомъ семьи. Впослѣдствіи онъ женился на племянницѣ Петра Алексѣевича, также побочной дочери Гаврила Алексѣевича Кошкарова, имѣвшаго помѣстье въ 10 верстахъ отъ Верякушъ. Гаврила Алексѣевичъ также никогда не былъ женатъ, и мать его дочери—простая крестьянка—была поставлена въ такое же положеніе, какъ и Наталья Ивановна, т. е. она пользовалась нѣкоторымъ почетомъ и была какъ бы хозяйствомъ—конечно, только иоминальною въ домѣ, но впослѣдствіи Гаврила Алексѣевичъ взялъ къ себѣ вторую, молодую сожительницу, изъ-за чего у нихъ вышла крупнаяссора съ Кор......., вступившимся за мать своей жены. Былъ еще третій братъ у нашего героя—Алексѣй Алексѣевичъ Кошкаровъ, имѣвший помѣстье также недалеко отъ Верякушъ, но это былъ человѣкъ женатый, а потому прервавшій съ братьями всѣ сношенія—ни онъ къ нимъ, ни они къ нему никогда неѣздили.

Село Верякуши лежитъ въ полутора верстѣ отъ почтовой дороги изъ Арзамаса въ Тамбовъ, въ 6 верстахъ отъ станціи Орѣховецъ. Въ немъ было болѣе двухсотъ дворовъ, и оно расположено вокругъ довольно большого пруда, на берегу коего небольшая деревянная церковь, а близъ нея помѣщичій домъ—обширное, старое деревянное зданіе на дворѣ, окруженному многочисленными хозяйственными постройками: кухнею, людскими, амбарами и проч.; впрочемъ на другой сторонѣ пруда, такъ называемой Волынской, былъ другой, новый барскій домъ, принадлежавшій Натальѣ Ивановнѣ, но онъ оставался пустымъ и только изрѣдка занимался подъ помѣщеніе гостей и вообще служилъ цѣллю нашихъ прогулокъ, такъ какъ новый домъ быть изящно меблированъ, содержался весьма чисто и украшенъ былъ семейными портретами. Вообще, хозяйственная политика Кошкарова была

такова: родовое имѣніе было для него неприкосновенною собственностью, и онъ завѣдывалъ имъ самъ, все же благопріобрѣтенное, какъ собственность дѣтей, состояло въ вѣдѣніи Натальи Ивановны, и у нея была своя касса, свое хозяйство, а потому и новый домъ былъ въ ея исключительномъ завѣдываніи; кроме денегъ, дома и проч., кажется, были и крестьяне, купленные на имя ея сыновей Щ—хъ, такъ какъ сама Наталья Ивановна до самой смерти подписывалась — я это очень хорошо помню — „солдатка Наталья Иванова“; но какимъ образомъ ея сыновьямъ усвоена была фамилія Щ—хъ и дворянскія права — объяснить не могу. Въ то время нерѣдко бывали такие случаи, что помѣщикъ, имѣвшій побочныхъ дѣтей, подкупалъ какого нибудь бѣдняка-дворянина, на имя коего священникъ записывалъ новорождающихся незаконныхъ дѣтей барина, и такимъ образомъ они пользовались правами потомственныхъ дворянъ. До самой смерти Кошкаровъ былъ вѣренъ принципу сохраненія родового имѣнія для передачи его законнымъ наслѣдникамъ — братьямъ, и только въ 1826-мъ году рѣшился было заложить его въ Московскій Опекунскій совѣтъ съ тѣмъ, чтобы на пріобрѣтенный такимъ образомъ капиталъ купить имѣніе на имя сыновей своихъ Щ** и тѣмъ увеличить скромныя средства, скопленныя для нихъ Натальею Ивановною; съ этою цѣллю отправился онъ въ Москву, но, приѣхавъ въ Арзамасъ, занемогъ и послѣ кратковременной болѣзни умеръ въ нашемъ Арзамасскомъ домѣ. Такимъ образомъ, проектъ этотъ не осуществился, и все родовое имѣніе его по смерти перешло въ родъ Кошкаровыхъ, а Щ—вы остались при тѣхъ небольшихъ средствахъ, которыхъ для нихъ скопила Наталья Ивановна.

II.

Верякушскіе крестьяне были на пашнѣ, и Кошкаровъ самъ завѣдывалъ хозяйственными дѣлами съ помощью своего quasi-секретаря Феоктисты Семеновны, дѣвушкы среднихъ лѣтъ, весьма красивой, бойкой и развитой, мать которой была начальницею гарема Кошкарова. Феоктиста, конечно, получила домашнее образованіе въ Верякушахъ, но кроме того, что она завѣдывала всю перепискою Кошкарова, счетами, — она была весьма начитанная

особа и очень хорошая музыкантша. Это было третье по важности лицо въ домѣ, и она пользовалась правами члена семьи, т. е. сидѣла въ гостиной, принимала гостей, выѣзжала въ гости, словомъ, была какъ бы второю барынею. Одни подозрѣвали въ ней также дочь Кошкарова, другіе, напротивъ того, почитали ее намѣстницу Натальи Ивановны, которая, конечно, уже давно утратила свои матримоніальные права и отношенія и была чисто пассивнымъ лицомъ въ домѣ, только какъ мать дѣтей барскихъ. Феоктиста же, какъ дѣятельный домоправитель, постоянно находилась при Кошкаровѣ и, кромѣ чисто секретарскихъ обязанностей, т. е. веденія счетовъ, переписки, читала ему—время отъ времени—книги и играла на фортепіано, и своей игрой увлекала даже и меня: я помню, что слушалъ ее съ особымъ удовольствиемъ и у нея же началъ учиться игрѣ на фортепіано.

Не смотря на обширность хозяйства, оно велось такъ удачно, что крестьяне были очень довольны Кошкаровымъ и отличались замѣтно—въ отношеніи къ сосѣдямъ—зажиточностью. Даже такого рода повинность, что если въ какой-либо семье дочь отличалась красавицою наружностью, то ее брали въ барскій гаремъ, т. е. дворню,—не только не возмущала ихъ, но даже радовала семью, потому что за это ей прибавлялся надѣль и давались разныя льготы.

Я упомянулъ, что у Петра Алексѣевича былъ гаремъ.

Дѣйствительно, быть женской прислуги въ его домѣ имѣлъ чисто гаремное устройство. Изъ многочисленной мужской прислуги—болѣе сорока человѣкъ, считая поваровъ, кучеровъ, садовниковъ и проч.—однихъ лакеевъ, которые всѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, были музыканты, пѣвчиѳ и псовые охотники, было до 20 человѣкъ; многіе были, конечно, женаты, но жены ихъ жили на общихъ основаніяхъ, или въ отдѣльныхъ съ мужьями комнатахъ, или въ общихъ помѣщеніяхъ при прачечныхъ, конюшняхъ, оранже-реяхъ и псовой дворѣ; точно также были особы горничные при Натальѣ Ивановнѣ и для прислуги гостямъ, но 12—15 молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ занимали цѣлую половину дома и предназначались только для прислуги Кошкарова; вотъ онъ-то и составляли то, что я назвалъ гаремомъ. Весь барскій домъ раздѣлялся на дѣй половины—мужскую и женскую. Первая состояла изъ прихожей, обвѣшанной охотничими трубами, ору-

жемъ,—огромнаго зала, буфета, билардной, диванной и такъ называемой братской комнаты, въ которой помѣщались сыновья помѣщика, когда прѣѣзжали въ отпускъ. Всѣ эти комнаты были очень обширны, и въ нихъ же помѣщались и гости, остававшіеся ночевать, а прѣѣзжавшіе на болѣе продолжительный срокъ располагались въ новомъ барскомъ домѣ за прудомъ. Вторая, собственно женская половина барскаго дома, начиналась гостиной, которая, собственно, была нейтральною комнатою, потому что въ ней обыкновенно на одномъ диванѣ сидѣлъ Кошкаровъ, а на другомъ, напротивъ, Наталья Ивановна, и особое мѣсто имѣла Феоктиста Семеновна. Здѣсь же обыкновенно проводили время всѣ прочіе члены семьи и гости, и здѣсь стояло фортепьянно. У дверей гостиной, ведущихъ въ залъ, стоялъ обыкновенно дежурный лакей, а у противоположныхъ дверей, ведущихъ въ спальню Кошкарова—дежурная дѣвушка, и какъ лакей не могъ переступить порога спальни, такъ дѣвушка не могла перешагнуть черезъ порогъ зала; но если случалось, что вслѣдъ за выходомъ дежурнаго лакея нужно было тотчасъ отдать приказаніе, касавшееся мужской прислуги, то дѣвушка должна была отворить дверь, остававшуюся всегда закрытою, и громко позвать помощника дежурнаго и отдать ему приказаніе; дверь же въ спальню никогда не закрывалась, и если выходила дежурная, то тотчасъ же являлась другая, да по большей части дежурная и ея помощница обѣ стояли вмѣстѣ, такъ что не было надобности вызывать кого-нибудь. Не только дежурный лакей или кто нибудь изъ мужской прислуги, но даже мужскіе члены семьи или гости не могли пройти далѣе дверей, охраняемыхъ дежурною дѣвушкою. За гостиной слѣдовала такъ называемая спальня, но въ ней не было ни кровати, ни какихъ-либо другихъ спальныхъ и туалетныхъ принадлежностей, а это была въ сущности вторая гостиная, въ которой также иногда располагался Кошкаровъ со всею семьею. Отличіемъ ея служила нишь, за которой помѣщались постельные принадлежности Кошкарова; въ этой же комнатѣ стояли шкафы съ книгами. Затѣмъ слѣдовала кабинетъ, но также безъ всякихъ кабинетныхъ принадлежностей, а просто большая комната съ разными хозяйственными вещами и отхожимъ мѣстомъ собственно для Кошкарова, и тутъ же былъ входъ къ комнатѣ Натальи Ивановны и другой въ дѣвичью, огромную комнату съ нѣсколькоими отдѣльными ка-

морками. Кошкаровъ никогда не спалъ въ спальнѣ, въ которой—какъ сказано выше—не было и кровати, а только за перегородкой хранились спальные принадлежности. Обыкновенно, вечеромъ, послѣ ужина дежурная дѣвушка, по его приказанію, объявляла громко дежурному лакею: „барину угодно почивать“, что было знакомъ для всей семьи расходиться по своимъ комнатамъ; удалялась, раскланявшись, Наталья Ивановна, а за нею и всѣ мы, а лакеи вносили тотчасъ въ гостиную изъ мужской половины простую деревянную кровать и, поставивъ ее посрединѣ комнаты, тотчасъ удалялись, а дверь изъ гостиной въ залъ запиралась, и дѣвушки изъ спальнѣ выносили пуховикъ, одѣяло и прочія принадлежности для постели Кошкарова, который въ это время совершалъ вечернюю молитву по молитвеннику, при чёмъ дежурная держала свѣчу, а въ это время всѣ прочія дѣвушки вносили свои койки и располагали ихъ вокругъ кровати Кошкарова, такъ какъ всѣ непремѣнно должны были, кроме Матрены Ивановны,—начальницы гарема,—спать въ одной съ Кошкаровымъ комнатѣ, причемъ дежурная раздѣвала его и, уложивъ въ постель, садилась возлѣ на стулъ и начинала непремѣнно сказывать сказки, имѣя въ рукахъ кусокъ краснаго сукна, которымъ, по требованію лежащаго, иногда растирала ему спину или ноги и цѣлую ночь оставалась на стулѣ, не смѣя лечь спать. Поутру она отпирала дверь въ залъ и, возвѣстивъ громко мужской прислугѣ, что „баринъ приказалъ ставни открывать“,—удалялась въ каморку при дѣвичьей и тамъ ложилась спать; новая же дежурная поднимала съ постели барина, а прочія дѣвушки убирали свои койки изъ гостиной.

Утро было самое тяжелое и непріятное время для всѣхъ, въ особенности для горничныхъ. Пока Кошкаровъ одѣвался и умывался, онъ до самой утренней молитвы и непосредственно слѣдующаго за нею чаю и трубки табаку—былъ необыкновенно раздражителенъ, и всѣ наказанія производились въ это время. Особенно доставалось бѣднымъ дѣвушкамъ: если не было экзекуцій розгами, то многія получали лично отъ него пощечины, и все утро раздавалась крупная брань, иногда безъ всякаго повода, подъ предлогомъ, напримѣръ, что дежурная, стоя у дверей, очень часто и умильно посматривала на дежурнаго лакея, стоявшаго съ противоположной стороны, или, передавая ему какое нибудь

приказаниe барское, возвращалась на свое мѣсто раскраснѣвшись,—это также преступленіе: значить „ей захотѣлось“, какъ объяснялъ Кошкаровъ, и на слѣдующее утро за то ей давалась пощечина. Все это—говорю—продолжалось отъ четверти часа до получаса во время вставанья съ постели; затѣмъ, помолившись Богу и сѣвши на диванъ съ чашкою чаю и трубкою табаку, Петръ Алексѣевичъ дѣлался кроткимъ и любезнымъ хозяиномъ,—двери отворялись въ залу, являлась Наталья Ивановна и вся семья, и если онъ не ѻхалъ на охоту или не отправлялся по хозяйству, то послѣ хозяйственныхъ распоряженій и рапортъ старосты, конюшаго, садовника, ловчаго (ловчій—начальникъ псовой охоты и смотритель псарного двора) занимался дѣлами съ ѡеоктистой Семеновной или, по временамъ, слушалъ ея игру на фортепиано; она также читала ему книги; затѣмъ, когда наступало время обѣда и раздавался призывающій къ столу звонокъ, ему вносили въ гостиную маленький обѣденный столикъ, а мы всѣ садились въ залѣ за общій столъ, и намъ усаживали лавки, Кошкарову же дѣвушки. Послѣ стола мы всѣ расходились по своимъ комнатамъ, а Кошкарову приносили на диванъ подушки, и онъ ложился отдыхать, причемъ дежурная садилась возлѣ и читала ему какую нибудь книгу. Послѣ послѣобѣденного отдыха семья опять собиралась въ гостиную, занималась музыкой, а Кошкаровъ игралъ въ карты, обыкновенно въ вистъ въ четверомъ, и если не было гостей, то партнерами бывали и горничные, но не садились за карточный столъ, а должны были играть стол; Наталья Ивановна же на свое мѣсто раскладывала пасьянсъ или играла съ кѣмъ-нибудь въ пикетъ, причемъ и мнѣ доводилось не рѣдко быть партнеромъ у Кошкарова или у Натальи Ивановны. Я, впрочемъ, охотнѣе игралъ съ послѣднею, потому что играли на изюмъ, тогда какъ съ Кошкаровымъ не было никакихъ призовъ игры,—а потому я тихонько подъ столомъ передавалъ тузовъ и всѣ лучшія карты его партнеру, чтобы скорѣе окончить обычные шесть роберовъ и отправиться въ залъ къ музыкантамъ или въ женскую половину къ дѣвушкамъ.

По вечерамъ часто собирался въсосѣдней комнатѣ домашній оркестръ и если были гости, то устраивались танцы; когда же призывали пѣвчикъ, то такъ какъ въ хорѣ участвовали и дѣвушки, то хорѣ устраивался въ гостиной, но въ такомъ случаѣ хорѣ исполнялъ

не церковную музыку, а русскія и другія пѣсни, между которыми было много не только двусмысленныхъ, но даже прямо непристойнаго содержанія. Изъ нихъ у меня осталась въ памяти очень пріятная въ мелодическомъ отношеніи пѣсня: „сзади юрникъ шель пѣшкомъ“; собственно, содержаніе ея состоитъ изъ набора фразъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего шокирующего, но мелодія составлена такъ, что въ концѣ каждого куплета первый стихъ разсвѣкается долгою нотою, отъ чего выходитъ самое плошадное сквернословіе.

. И это пѣлось хоромъ мужчинъ и дѣвушекъ, не только при всей семье нашей, но и при гостяхъ, если только между ними не было дамъ. Вообще существовала цѣлая рукописная литература подобнаго рода стихотвореній и пьесъ, неизвѣстно комъ составленная. Цѣлый портфель былъ ею наполненъ и портфель этотъ находился въ распоряженіи Феоктисты Семеновны.

Помню очень хорошо одинъ случай: мать полковника Кор*..., воспитывавшагося въ домѣ Кошкарова вмѣстѣ съ его сыновьями, Щ—ми, и составлявшаго какъ бы члена семьи Петра Алексѣевича,—Авдотья Ивановна жила въ сосѣдней деревнѣ въ трехъ верстахъ отъ Верякушъ и по праздникамъ приходила пѣшкомъ въ Верякушскую церковь, а по окончаніи обѣдни, конечно, заходила на барскій дворъ, чтобы отдохнуть и выпить чашку чаю. Вотъ, однажды, Кошкаровъ обращается къ ней съ вопросомъ: „Слышала ли ты, Авдотья Ивановна, что у насъ теперь война? вотъ, можетъ быть и наши (т. е. Щ—вы и Кор—въ) теперь сражаются?“— „Нѣть, батюшка, не слыхала“.— „Какъ же! вотъ и въ газетахъ есть о томъ. Эй, Феоктиста, прочти описание взятія Ширшавинской крѣпости!“ Это юмористическое иносказательное описание процесса лишенія дѣвушки невинности, которое Феоктиста Семеновна тотчасъ доставала изъ завѣтнаго портфеля и начинала торжественнымъ голосомъ читать вслухъ. Описаніе оканчивается фразою: „наконецъ, непріятель вторгнулся въ крѣпость, и полились потоки крови, а съ задняго бастіона послѣдовалъ выстрѣль“. При этомъ бѣдная старушка начинала усердно креститься, повторяя: „Господи, какое кровопролитіе“, а публика разражалась громкимъ хохотомъ, который Кошкаровъ объяснялъ старухѣ тѣмъ, что это описание войны съ французами, а теперь войны нѣть, а

только боятся, что будетъ,—и тѣмъ успокаивалъ бѣдную мать, боявшуюся за своего сына. Всѣ эти пѣсни, двусмысленныя описанія и такого же рода фразы пѣлись, читались и говорились дѣвушками безъ всякой застѣнчивости,—да и что удивительного: разъ въ недѣлю Кошкаровъ отправлялся въ баню, и его туда должны были сопровождать всѣ обитательницы его гарема, и нерѣдко тѣ изъ нихъ, которая еще не успѣли, по недавнему нахожденію въ этой средѣ, усвоить всѣ ея взгляды, и въ банѣ старались спрятаться изъ стыдливости,—возвращались оттуда битыми. Вообще съ дѣвушками Кошкаровъ обращался сурово, но съ крестьянами и мужскою прислугою былъ очень добръ и ласковъ, и наказаніе лакеевъ было такъ рѣдко, что въ теченіе 8 или почти 9 лѣтъ моего частаго посѣщенія и житья въ Верякушахъ я помню только одинъ случай наказанія, но случай такой возмутительный, что онъ произвелъ на меня глубоко-потрясающее впечатлѣніе и имѣлъ на меня огромное нравственное вліяніе.

III.

Я не пользовался ласками хозяйской семьи, а Кошкаровъ, вслѣдствіе неудовольствія на моего отца, относился ко мнѣ даже съ пренебреженіемъ и нерѣдко называлъ меня „подъячимъ“. Ребенкомъ—я цѣлый день проводилъ между дѣвушками въ женской половинѣ, и онъ меня очень ласкали, потому что я былъ единственное дитя въ домѣ. Ночь, конечно, я проводилъ въ мужской половинѣ, и изъ мужской прислуги меня въ особенности ласкалъ конюшій Федоръ, котораго, вслѣдствіе того, я очень любилъ.

Изъ числа гаремныхъ дѣвушекъ молодая, недавно вступившая въ гаремъ, Аѳимья сильно понравилась Федору, и онъ рѣшился—во чтобы то ни стало—похитить ее и бѣжать съ нею, такъ какъ не было другой возможности имъ сблизиться, и сношенія между ними производились, конечно, только по тайной перепискѣ, потому что лично имъ не было никакой возможности объясниться. Такъ какъ Федоръ завѣдывалъ конскимъ заводомъ, то въ условленное съ Аѳимье время, вечеромъ, онъ запрѣгъ въ повозку тройку лихихъ лошадей и, подѣхавъ сзади дѣ-

вичьяго отхожаго мѣста, выломалъ тамъ доску и поджидалъ Аѳимью. Отхожее мѣсто было устроено въ видѣ шатра противъ дѣвичьяго крыльца, и задняя сторона его выходила на площадь, где Федоръ стоялъ съ лошадьми. Обыкновенно, дѣвушки ходили за естественнаю нуждою не иначе какъ съ дозволенія и подъ надзоромъ начальницы своей—Матрены Ивановны, которая, обыкновенно, приказывала имъ поджидать, пока соберутся двѣ—три и тогда выходила съ ними на крыльцо и поджидала, пока она окончать свою нужду. Такъ было и въ описываемомъ случаѣ, съ тою только разницею, что Аѳимья, заявивъ о своей крайней нуждѣ, вошла въ шатерь первая и, заперевъ дверь, чрезъ выломанную Федоромъ доску тотчасъ вышла изъ шатра, сѣла съ нимъ въ телѣгу и ускакала. Матрена Ивановна и подруги ждутъ пять, десять минутъ,—наконецъ, начинаютъ кричать: „Аѳимья, что съ тобой? выходи!“ Аѳимья не выходитъ. Поднялась тревога, сбѣжались люди, выломали дверь, и тогда, замѣтивъ проломъ, догадались о побѣгѣ. Тотчасъ доложили Кошкарову. Всѣмъ людямъ забрать въ конюшнѣ лошадей и отправиться немедленно по всѣмъ дорогамъ въ погоню за бѣглецами,—и къ утру ихъ догнали и привели назадъ. Аѳимья послѣ сильной порки была посажена на стулъ на цѣлый мѣсяцъ. Это одно изъ самыхъ жестокихъ наказаній, теперь едва-ли кому известныхъ, а потому я постараюсь описать его.

На шею обвиненной надѣвался широкій желѣзный ошейникъ, запиравшійся на замокъ, ключъ отъ которого былъ у начальницы гарема; къ ошейнику прикреплена небольшая желѣзная цѣпь; оканчивающаяся огромнымъ деревяннымъ обрубкомъ, такъ что, хотя и можно было, приподнявъ съ особымъ усилиемъ послѣдній, перейти съ одного мѣста на другое,—но по большей части это дѣжалось не иначе, какъ съ стороныю помощью; вверху у ошейника торчали желѣзныя спицы, которыя препятствовали наклону головы; такъ что несчастная должна была сидѣть неподвижно, и только на ночь подкладывали ей подъ заднія спицы ошейника подушку, чтобы она сидя могла заснуть. Инструментъ этотъ хранился въ дѣвичьей, и я въ теченіе восьми лѣтъ одинъ разъ только видѣлъ примѣненіе его на несчастной Аѳимьи,—и не помню, чтобы онъ въ это время примѣнялся къ кому нибудь изъ мужской прислуги, которая вообще пользовалась несравненно бо-

лѣе гуманнымъ обращеніемъ,—но исторія съ несчастнымъ Федоромъ составляетъ исключеніе¹⁾.

Въ тотъ же день, когда была произведена экзекуція надъ Аеймьей,—которую я впрочемъ не видѣлъ, потому что ее производили въ обыкновенное время всѣхъ расправъ съ девушкиами—утромъ до чая, когда женская половина закрыта для всѣхъ,—и расправы эти, конечно, производились женщинами,—послѣ чаю приведенъ былъ на дворъ предъ окна кабинета бѣдный Федоръ. Кошкаровъ стоялъ подъ окномъ и, осыпая его страшною бранью, закричалъ: „люди, плетей!“ Ивилось нѣсколько человѣкъ съ плетьями, и тутъ же на дворѣ началась страшная экзекуція. Кошкаровъ, стоя у окна, поощрялъ экзекуторовъ криками: „валай его, валай сильнѣй!“ что продолжалось очень долго, и несчастный сначала страшно кричалъ и стоналъ, а потомъ началъ притихать и совершенно притихъ, а наказывавшіе остановились. Кошкаровъ закричалъ: „что-жъ стали? валай его!“ — „Нелья“, отвѣчали тѣ: — „умираеть“. Но и это не могло остановить ярость Кошкарова гнѣва. Онъ закричалъ: „эй, малый, принеси лопату“. Одинъ изъ сѣвшихъ тотчасъ побѣжалъ на конюшню и принесъ лопату. „Возьми г.... на лопату“, закричалъ Кошкаровъ. Надобно замѣтить, что предъ его окнами постоянно стояла колода, въ которой кормились назначаемые въ разгонъ лошади, а въ этотъ день тутъ кормились все бывшія въ погонѣ за бѣглцами, а потому, естественно, около нихъ образовались кучки лошадинаго кала. При словѣ: „возьми г.... на лопату“ державшій ее задѣпилъ тотчасъ кучу лошадинаго кала. „Брось его въ рожу мерзавцу и отведи его прочь!“

При этихъ словахъ я, стоявшій во все время въ той же комнатѣ и горько плакавшій, потому что мнѣ очень жаль было бѣднаго Федора, который постоянно ласкалъ меня,—до такой степени былъ возмущенъ этимъ варварствомъ, что вырвался изъ

¹⁾ Такого рода истязанія практиковались не только между помещиками 1820-хъ годовъ, но и у служилыхъ людей. Это видно, между прочимъ, изъ высочайшаго указа, даннаго сенату 9-го февраля 1827-го года, въ которомъ объясено, что некто «служилый сотникъ Григорій Левицкій—сажалъ малороссіянину Климова въ станичной избѣ въ какую то неподвижную колоду»,—каковой способъ держанія людей указъ призналъ за «родъ пытки, отъ послѣдствій каковой пытки Климовъ и умеръ».

Государь повелѣлъ всѣ «подобныя орудія истребить» повсемѣстно.

Сообщ. 30-го июля 1874 г. Г. К. Р.—й.

руку дѣвушки Настасьи, которая старалась успокоить меня и закрывала мое лицо отъ Кошкарова, чтобы онъ не видаль моихъ слезъ,—и бросился на него съ намѣреніемъ его самого ударить въ лицо—но Настасья меня оттащила и увела въ другую комната. Кошкаровъ однако замѣтилъ мое порывистое къ нему движение и спросилъ: „что съ нимъ? чего онъ барахтается?“ Настасья объяснила, что я будто хотѣлъ просить прощенія Федору,—и тѣмъ дѣло и кончилось. Но сцена эта произвела на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что съ тѣхъ поръ рука моя осталась чиста на всю жизнь: она не иначе прикасалась къ человѣку, да даже и животному, какъ съ лаской, и все это—какъ теперь понимаю—именно потому, что я былъ свидѣтелемъ возмутительнаго истязанія и надругательства надъ человѣкомъ, мнѣ близкимъ, меня ласкавшимъ,—и это было въ моемъ дѣствѣ — мнѣ было шесть лѣтъ,—а въ это время всѣ впечатлѣнія неизгладимо остаются въ памяти на всю жизнь. Весьма вѣроятно, что если бы страждущимъ лицемъ въ этой сценѣ былъ кто-нибудь другой, а не мой добрый Федоръ, то я бы отнесся къ ней если не равнодушно, то по крайней мѣрѣ безъ такого сильнаго потрясенія, а при частомъ повтореніи предо мною наказаній разнаго рода надъ другими привыкъ бы къ нимъ и смотрѣлъ бы на нихъ какъ на обыкновенный порядокъ вещей, но, повторяю, такого звѣрства надъ мужскою прислугою я не видаль, да кажется, его и не было, а всѣ пощечины и порки дѣвушкамъ производились утромъ, до чая, слѣдовательно, я не могъ быть при нихъ; сажанье же на стулъ было, вѣроятно, нерѣдко, но на короткое время, а потому у меня осталась въ памяти только исторія съ бѣдной Аѳимьей. Что сдѣгалось послѣ съ бѣднымъ Федоромъ—не знаю, потому что его затѣмъ я не видѣлъ болѣе. Онъ долго былъ боленъ, а по выздоровленіи, вѣроятно, былъ сосланъ въ другую деревню, или даже умеръ. Аѳимью же, дѣйствительно, я видѣлъ съ мѣсяцъ или болѣе притворженнюю къ своему такъ называемому стулу, потому что она сидѣла въ дѣвичьей, куда я имѣлъ всегда свободный входъ. Затѣмъ она была исключена изъ горничныхъ и употреблялась для черной работы: помню, что она въ простомъ крестьянскомъ платьѣ съ метлой въ рукахъ мела барскій дворъ и жила у дяди своего—садовника. Дальнѣйшая же ея участъ мнѣ также неизвѣстна.

IV.

Я сказалъ, что связь Аеймы съ Федоромъ началась и производилась посредствомъ тайной переписки, такъ какъ девушки лишены были всякой возможности сблизиться съ мужской прислугой и даже въ случаѣ передачи какихъ либо приказаний барина дежурная не смѣла переступить порогъ изъ гостиной въ залу, но должна была, отворивъ дверь, громко передать приказаніе и тотчасъ возвратиться. Къ семье, къ роднымъ онъ никогда не отпускались ни подъ какимъ предлогомъ, а принимали ихъ въ общей девичьей, и то, если приходили братья или другие мужские родственники, то бесѣда производилась подъ наблюденіемъ Матрены Ивановны. Девушки ходили, конечно, въ церковь и делали прогулки въ садъ, но не иначе, какъ полнымъ хоромъ и подъ наблюденіемъ той же Матрены Ивановны; а въ церкви у нихъ было особо назначенное для нихъ мѣсто. Переписка же, какъ я узналъ послѣ, производилась такимъ образомъ, что девушка и лакей, стоя во время дежурства въ гостиной,—одинъ у однихъ дверей, другая у другихъ, имѣли наготовѣ записки, и, въ случаѣ, если надобно было отдать стаканъ или чашку или вообще передать что-нибудь другъ другу, то вмѣстѣ съ тѣмъ давалась и заранѣе приготовленная записка съ названіемъ полотномъ лица, которому она назначалась,—и эта тайная почта исполняла свои обязанности самымъ добросовѣстнымъ образомъ, потому что къ тому побуждалъ общій интересъ. Хотя не только въ селеніи, но и въ барскомъ дворѣ не было школы, но большинство мужской прислуги и всѣ безъ исключенія девушки были не только грамотныя, но очень развитыя и начитанныя, и въ распоряженіи ихъ состояла довольно большая библиотека, состоявшая, конечно, почти исключительно изъ беллетристическихъ произведеній. Для девушки грамотность была обязательна, иначе она не могла исполнять своихъ обязанностей чтицы при Кошкаровой, партнерки въ висть и проч., а потому каждая вновь поступившая тотчасъ же начинала учиться чтенію и письму у подругъ,—но не было не только правильно организованной школы, но даже определенной учительницы: обязанности послѣдней исполняла каждая свободная подруга, и обученіе шло очень быстро. Благодаря этому,

я въ раннемъ дѣтствѣ научился читать и писать самъ не знаю отъ кого, потому что, какъ сказано прежде, я почти цѣлый день проводилъ въ средѣ дѣвушекъ. Для мужской прислуги грамотность хотя и не была обязательна, но большинство ея также было грамотнымъ, обучаясь такимъ же способомъ, какъ и дѣвушки, и тамъ побужденіемъ въ грамотности было то, что не будучи грамотнымъ нельзя было получить высшихъ должностей: дворецкаго, буфетчика, конюшаго, ловчаго — или попасть въ хоръ музыкантовъ и пѣвчихъ¹). Главною мою учительницею, вѣроятно, была добрая Настасья, потому что я въ особенности помню, что она постоянно привлекала меня къ себѣ рассказами о прочитанныхъ ею книгахъ, и что отъ нея я впервые услыхалъ стихи Пушкина и со словъ ея наизусть выучилъ Бахчисарайскій фонтанъ и впослѣдствіи завелъ у себя цѣлую тетрадь стихотвореній Пушкина же и Жуковскаго. Вообще дѣвушки всѣ были очень развиты: они были прекрасно одѣты и получали — какъ и мужская прислуга — ежемѣсячное жалованье и денежные подарки къ праздничнымъ днямъ. Одѣвались же всѣ, конечно, не въ національное, но въ общеевропейское платье. Послѣ известнаго времени гаремной службы они выдавались за мужъ за заслуженныхъ лакеевъ и получали хорошее приданое, и только за тяжкіе проступки исключались — подобно Аѳимы — изъ дѣвичьей и возвращались въ семью съ воспрещеніемъ носить такъ называемое барское (европейское) платье, которое у нихъ отбиралось, — или отсылались на кухню на черную работу.

Мужская прислуга — разумѣю комнатную — также была весьма многочисленна и находилась подъ главнымъ начальствомъ дворецкаго. Большинство лакеевъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и псовыми охотниками, т. е. когда баринъ выѣзжалъ въ отѣзжее поле, надѣвали охотничіи костюмы, садились на коней и провожали его на охоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ участвовали въ музыкальномъ или пѣвческомъ хорѣ. Музыкальный хоръ былъ, впрочемъ, небольшой и игралъ только для танцевъ, но пѣвчихъ было человѣкъ 15 мужчинъ и четыре или пять дѣвушекъ изъ горничныхъ. Хоръ обучался и репетировалъ, конечно, на мужской половинѣ,

¹) А съ этимъ сопряжены были иѣкоторыя весьма существенные преимущества въ такъ называемомъ мѣсячномъ, т. е. ежемѣсячно выдаваемомъ денежному жалованью, и въ одѣждѣ.

а дѣвушки являлись туда подъ надзоромъ Матрены Ивановны или ея помощницы; регентъ хора былъ вольнонаемный. Кромѣ пѣнія въ церкви, хоръ — какъ я сказалъ выше — при гостяхъ и даже безъ гостей призывался иногда по вечерамъ въ гостиную и развлекалъ Кошарова пѣніемъ народныхъ и другихъ пѣсень. Вообще Кошаровъ очень любилъ музыку, и всѣ его сыновья, Щ**..., были музыкантами, — а одинъ изъ нихъ — Петръ Петровичъ — даже компонистомъ, но сочиненія его, преимущественно пѣсни и вариаціи къ нимъ для фортепіано, не распространялись далѣе Верякушъ и, конечно, никогда не появлялись въ печати. Оттуда и у меня съ ранняго дѣтства проявилась любовь къ музыке, и я такимъ же способомъ, какъ и грамотѣ, т. е. почти самоучкою, выучился бранчать на фортепіано.

V.

Такъ какъ я проводилъ время почти исключительно на женской половинѣ дома, — за исключеніемъ ночи, — то на меня дѣвушки имѣли почти исключительное влияніе: у нихъ я выучился грамотѣ, игрѣ на фортепіано, получилъ страсть къ чтенію, а потому остался чуждъ псовой охоты, которая составляла главный интересъ мужской половины. Мнѣ нравилась только внѣшняя обстановка этой забавы, которая была очень эффектна. Когда Кошаровъ задумаетъ бывать на охоту, то призывается ловчій, съ которымъ ведется совѣщеніе, куда именноѣхать. Избравъ мѣсто охоты, Кошаровъ даетъ приказаніе собираться, — и тогда ловчій надѣваетъ охотничій костюмъ, беретъ трубу и, выйдя на крыльце, долго трубить, давая тѣмъ знакъ къ сборамъ. По первому же звуку трубы конюшій собираетъ лошадей, псари ведутъ собакъ, а охотники въ своихъ живописныхъ костюмахъ садятся на лошадей, и подается для Кошарова коляска, за которойѣдетъ верхомъ конюшій, держа подъ узды барскую верховую лошадь. Когда баринъ готовъ, то ловчій снова трубить, и охотники выстраиваются въ рядъ, и, какъ только выйдетъ Кошаровъ и сядетъ въ коляску, то вся кавалькада съ пѣснями отправляется въ путь; возвращеніе совершается при такой же торжественной обстановкѣ, что, конечно, очень меня интересовало. Но такъ какъ съ отѣѣзdomъ на охоту весь домъ пустѣлъ, и въ дѣвичьей забашта

болѣе широкая жизнь, то я былъ вполнѣ доволенъ, что могъ оставаться дома съ дѣвушками, а потому собственно охота меня вовсе не интересовала. Я только съ удовольствіемъ участвовалъ въ прогулкахъ на псарный дворъ. Прогулки эти устраивались, конечно, только лѣтомъ, въ хорошую погоду, передъ закатомъ солнца — именно въ пору вечерняго кормленія собакъ. Давалось заранѣе знать ловчemu, и въ назначенный часъ отправлялся Кошкаровъ со всей семьей и даже въ сопровожденіи всего гарема. Псарный дворъ былъ на площади, шагахъ въ двухъ-стахъ отъ барскаго двора. Предъ воротами его была длинная колода, въ которой готовилась пища для собакъ — овсянная мука съ водой и куски мяса. Предъ колодой ставилось кресло для Кошкарова и стулья для гостей, прочая же публика размѣщалась на скамьяхъ. Когда мѣсиво было готово, ловчій давалъ знакъ въ трубу, и тотчасъ же открывались ворота и выбѣгали сначала борзы, но, не касаясь корыта, строились во фронтъ передъ нимъ, сидя на заднихъ лапахъ. По второму знаку трубы выбѣгали гончія прямо къ корыту и, опорожнивъ его, стройно убѣгали во дворъ, и тогда псари начинали готовить пищу для борзыхъ. По данному знаку борзы бросались къ корыту и, по окончаніи, въ такомъ же порядкѣ возвращались въ свои сараи, и во все это время трубачи играли на своихъ трубахъ. Если случалось когда захватить живого зайца, то на той же площади, въ присутствіи публики, производилась травля; но и эти развлечения меня привлекали потому, что на нихъ присутствовали дѣвушки и, слѣдовательно, я находился — какъ говорится — въ своей любимой средѣ. Послѣ, когда мнѣ минуло 13 лѣтъ, и я уже не жилъ въ Веракушахъ, а прѣѣзжалъ туда время отъ времени гостемъ, — въ день моего рождения — Кошкаровъ подарилъ и мнѣ свору собакъ и назначилъ ко мнѣ стрѣмяннаго, такъ какъ, по обычаю, каждый мужчина, долженъ быть непремѣнно охотникомъ и, по возведеніи въ это званіе, обязанъ былъ принимать дѣятельное участіе въ охотѣ. При первомъ же выѣздѣ въ отѣзжее поле взяли и меня, но я очень былъ не доволенъ, потому что въ это время читалъ книгу, которая очень меня интересовала: „Матильда, или записки изъ исторіи крестовыхъ походовъ“, сочиненіе г. Коттена, конечно, въ русскомъ переводѣ.

Прѣѣхавъ на островъ — такъ на охотничемъ языкѣ у насъ

называлась роща, окруженнная гладкимъ полемъ — Кошкаровъ вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на коня, указавъ каждому изъ охотниковъ, гдѣ онъ долженъ стоять со своею сворою, — а гончія были спущены въ рощу и тотчасъ нашли зайца и начали его преслѣдоватъ. Всѣ охотники жадно прислушивались къ ихъ заю, стараясь по нему угадать мѣсто, гдѣ выбѣжитъ звѣрь,—но меня это вовсе не интересовало,—я разлегся на отведенномъ мнѣ мѣстѣ и преспокойно читалъ взятый мною съ собой романъ, и такъ увлекся имъ, что и не замѣтилъ, какъ бѣдный заяцъ выбѣжалъ прямо противъ меня и направился въ поле. Стремянной мой — по правиламъ охоты — не могъ безъ моего приказанія спустить свору (пара борзыхъ собакъ) и хотя кричалъ мнѣ: „баринъ, баринъ, вотъ звѣрь“, но я не обратилъ на то вниманія, и такимъ образомъ, благодаря прекрасной Матильдѣ и ея обожателю, Малекъ-Аделю, всецѣло приводавшихъ къ себѣ мое вниманіе, — заяцъ преспокойно пробѣжалъ мимо и замѣченъ былъ другими охотниками тогда, когда спущенные ими собаки уже не могли его дѣгнать. Кошкаровъ былъ взбѣшенъ до крайности этой неудачей и если бы меня не спряталъ занимавшій ближайшій ко мнѣ постъ дядя Петръ,—то онъ избилъ бы меня бывшимъ у него въ рукахъ арапникомъ. Возвратившись домой, долго толковали о моей неловкости и Кошкаровъ рѣшилъ такъ: „что тутъ удивительного! Нурка,—такъ звали меня обыкновенно,—какъ сынъ подъячаго—не способенъ къ благороднымъ удовольствіямъ: отобрать отъ него стремянного и свору и исключить изъ охоты“. Я очень былъ доволенъ этимъ рѣшеніемъ, потому что дѣйствительно не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія къ охотѣ¹⁾....

Я. М. Невѣровъ.

¹⁾ Писано въ іюлѣ 1877 г. въ Желѣзноводскѣ.